

своего рода традицией передавать каждому новому курсу философов, приступающих к изучению немецкого идеализма, навсегда запомнившиеся слова Леонарда Александровича о том, что мысли И. Канта по-прежнему не перестают вдохновлять новые поколения на поиски ответов на главные смысловые вопросы: что мы можем знать, что мы должны делать, на что смеем надеяться...

Коммуницируя с Калининградом в основном благодаря столь редким и каждый раз долгожданым для нас Кантовским чтениям, мы в то же время всегда в курсе того, что происходит в области кантовских исследований — и в вашем прекрасном городе, и в России, и в интеллектуальном пространстве мирового кантоведения, — именно благодаря Кантовскому сборнику (отдельное и большое спасибо Анатолию Геннадьевичу Пушкарскому). И здесь не перестаешь поражаться, как плодovit и многогранен в своих талантах Л. А. Калининков, сколь грандиозен исследовательский кругозор главного редактора этого журнала! Ему мало говорить об И. Канте как о великом философе — создателе трансцендентальной антропологии, моральной философии и философии истории. Он не перестает открывать нам самые неожиданные стороны кантовского гения. И вот под влиянием работ Леонарда Александровича начинаешь перечитывать «Медного всадника» и «Житейские воззрения кота Мурра», совсем по-другому воспринимаешь поэзию Фета; находишь, а потом и просто любишь «звездно-моральной» темой там, где ее вроде бы и не замечал, и т. п. И вдруг осознаешь, сколько новых предметных полей и тем открыто Калининковым — этим замечательным человеком и ученым: Кант и Гаман, Кант и Гофман, Кант и Гиппель, Кант и русская литература...

Но особо восхитила меня одна из последних больших работ Леонарда Александровича, посвященная месту Канта в русской поэзии. И без того любимые Пушкин и Цветаева, Брюсов и Блок приобрели какую-то фантастическую притягательность. Начинаешь понимать, что всё это не просто «поклонники Канта», а где-то и сам Кант... Благодаря этой книге многие юноши и девушки у нас в Минске полюбили философию *Того*, без *Которого* она немислима вот уже почти триста лет.

Спасибо Вам, дорогой Леонард Александрович, за Ваш «прыжок из мира» И. Канта в наш сегодняшний мир, за «русского» И. Канта, который благодаря Вам стал и продолжает становиться для всех нас чуточку понятнее и ближе, за то, что Вы помогаете постигать смысл той «действительно нужной человеку науки... из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком».

Т. Г. Румянцева,
д-р филос. наук, проф., заслуженный работник
Белорусского государственного университета (Минск)

Уравнение профессора Л. А. Калининкова

В книге второй Трансцендентальной диалектики уже ставший «критическим» Кант, размышляя о паралогизмах трансцендентальной психологии, полагает, что в основу истинной науки «чистого разума о природе нашей мыслящей сущности... мы можем положить только простое, само по

себе совершенно лишённое содержания представление: Я, которое нельзя даже назвать понятием, так как оно есть лишь сознание, сопутствующее всем понятиям. Посредством этого Я, или Он, или Оно (вещь), которое мыслит, представляет не что иное, как трансцендентальный субъект мысли = X, который познается только посредством мыслей, составляющих его предикаты, и о котором мы, если его обособить, не можем иметь ни малейшего понятия; поэтому мы постоянно возвращаемся здесь в кругу...»¹. В этом пассаже и многих других мысль Канта постоянно возвращается в круг, центр которого инициирует главный вопрос его философии — что такое человек? чему равен X?

Смог ли профессор Л. А. Калининков решить это уравнение в отношении самого себя за 80 лет? Ведь это сложнейшее уравнение в отношении неизбывной тайны души как субстанции², которая, по убеждению Канта в его споре с Мендельсоном, есть величина не постоянная. «В ней нет никакой экстенсивной величины», но «все же нельзя отрицать у нее, как и у всего существующего, интенсивной величины... а эта интенсивная величина может убывать через бесконечное множество меньших степеней... и может превратиться в ничто если не путем деления, то путем постепенного ослабления (remissio) ее сил...»³

Кто знает, может быть, в самом деле, можно за 80 лет при постоянном психоаналитическом усилии мониторить состояние внутренней душевной субстанции, «постоянно вращаясь здесь в кругу», но уравнение «интенсивной величины» профессора Калининкова давно решено в круге его творческой судьбы теми, кто вошел в этот круг: X = ...! Когда весной 1982 года, готовясь к сдаче философского минимума, мы, аспиранты и соискатели разных специальностей, встретились на занятиях с Л. А. Калининковым, то случилось то, что можно назвать первым эмпирическим опытом идейного максимума философии Канта. Она, конечно, оставалась тогда еще для большинства ноуменом, но ее феноменологическая суть открылась в опыте «интенсивной величины» по имени профессор Калининков. После его кантоведческих размышлений мы, слоняясь по улицам вечернего города, тоже размышляли о шансах «категорического императива» как принципа морально-нравственной каузальности, открывающего ну если не дверь, то хотя бы форточку в моральную онтологию человеческой истории. И в ходе этих перипатетических метаний, пересекавших в том числе «философскую тропу» Канта, родилось нечто общее, объединившее тогдашний «философский минимум» тех, кто попал в круг предикатов мысли Л. А. Калининкова: «Но ведь она, эта моральная онтология, возможна! Чтобы так думать и говорить, как этот профессор, нужно уже быть голосом этой онтологии, доказывая ее энтелехию!» X = ...!

Этот первый опыт практического разума как истинной сути Кантовой философии был дарован нам ее феноменологической персонификацией — скромным, добрым, но безукоризненно дисциплинированным в суждениях и оценках профессором, который, однако, все еще был для нас X = ...! Но ему уже удавалось то, что почти немислимо в отношении амбициозной

¹ Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. С. 304–305.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 311.

юности, нередко проникнутой опасной пассионарностью самоуверенности и творческой дерзости: он стал мягко, но последовательно дисциплинировать наши буйные умы, вводя в необходимый канон чистого разума. Он был для многих первым, кто заставил всерьез задуматься о словах Канта: «Итак, величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума только негативна: эта философия служит не органом для расширения, а дисциплиной для определения границ, и вместо того, чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждений»⁴. Из моего последующего опыта «интенсивной величины» по имени профессор Калининков с его верой в науку и прогресс мне стало ясно, каким сильным нужно быть, чтобы находить энергию для синтетических суждений, способных логически аргументированно согласовывать этику естественно-научного познания и принципы практического разума на сложной границе этико- и физикотеологии...

И вот после первого опыта почти 40 лет назад в «философском минимуме» начинающего филолога я продолжаю оставаться в кругу творческой судьбы профессора Калининкова, вольно или невольно думая об уравнении этого уникального явления не только и не столько в моей жизни, сколько в жизни нашего города и университета. Ведь когда он в 1966 году приехал в Калининград, духовный климат этого топоса стал, без сомнения, меняться. Будучи безусловным сыном своего Отечества, он, открывая российское кантоведение в послевоенном Кёнигсберге-Калининграде, не мог не стремиться к тому, чтобы сделать Канта поводом для необходимой общественной и индивидуальной практики морального добра и ответственности. Решая, казалось бы, уже неразрешимую задачу преодоления бытийных разломов и разрывов, профессор Калининков много пишет и делает в поисках путей от Канта к русской философии и поэзии и от них к Канту. Он создает уникальный музей Канта в Калининградском университете. Он организует Кантовское общество в Калининграде и выпуск «Кантовского сборника». Он — как своим научным авторитетом, так и общественным статусом — содействует тому, чтобы университету было присвоено имя Канта... Он движим какой-то поразительной энергией, будучи убежден, что именно «Кант одним из первых» указал на то, что «глубокое и всестороннее развитие как этики, так и эстетики... всем ходом развития современной науки превращается в средство ее (науки) дальнейшего продвижения к истине». Об этом Калининков пишет в своей работе 1975 года «Об основном пафосе "критической" философии»⁵. Откуда эта энергия, которая удивительным образом сохраняется и до сих пор без признаков истощения и *remissio* ее сил? Чему все же равен X?

Думаю, что это уравнение профессора Л. А. Калининкова столь же уникально, как то, во что прозревает Кант в своем критическом исследовании чистого разума и, соответственно, чистой психологии, представляющей собой «мыслящую субстанцию как принцип жизни в материи, то есть как душу и как основание одушевленности; одушевленность, ограничиваемая

⁴ Кант И. Указ. соч. С. 581–582.

⁵ Калининков Л. А. Об основном пафосе «критической» философии // Вопросы теоретического наследия Канта. Калининград, 1975. С. 44–56.

духовностью, дает [понятие] бессмертия»⁶. Это уравнение разрешаемо только в коде бесконечности, о чем в пафосе «Критики практического разума» (в заключении) размышляет и Кант, связывая тайну морального закона с тем, что «бесконечно возвышает мою ценность как интеллигенции через мою личность... по крайней мере, поскольку это можно видеть из целесообразности назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни, но идет в бесконечное»⁷. Уравнение профессора Калининкова — это уравнение бесконечности в его пафосе веры в то, что он выразил в упомянутой уже работе «Об основном пафосе "критической" философии»: «Человечество достигает Истины, добиваясь ее гармонии с Добром и Красотой». Но это он выразил не только в данной работе, но и во многих других, но самое главное — в работе своего практического разума, то есть в своей удивительной судьбе, остающейся верной Истине, Добру и Красоте.

*В. Х. Гильманов,
д-р филол. наук, проф.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта*

О моем учителе Л. А. Калининкове

Я впервые увидел Леонарда Александровича, когда учился в 11-м классе лицея и заинтересовался проблемой бытия Бога. Доцент кафедры философии и логики (в 1999 году) Н. В. Андрейчук, которая преподавала у нас обществознание, посоветовала встретиться со специалистом по Канту — профессором Калининковым. Я посетил его лекцию и сразу понял, что этот человек чрезвычайно увлечен философией, что он счастлив от того, что делает.

Прочитав в школе некоторые части «Критики чистого разума», я мало что понял. По сути, мне были ясны только метафоры, которыми Кант пользовался при описании вариантов доказательства бытия Бога. Однако, написав конкурсную работу по обществознанию, я занял первое место на конференции «Поиск и творчество». Возможно, и это сыграло свою роль в моем решении поступить на исторический факультет, на специальность «Философия». На кафедре я сразу же спросил, когда у нас будет вести лекции Леонард Александрович. Мне ответили, что только через год.

На занятиях Леонарда Александровича всегда было интересно. Меня поразило то, с каким воодушевлением он рассказывает о жизни каждого философа, подчеркивая этапы становления личности. Один из главных методических приемов профессора Калининкова — демонстрация сложнейшего материала в виде простых схем, образно представляющих философские конструкции.

Мне выпала честь не только быть слушателем его лекций, но и заниматься исследованиями под его руководством: дипломная работа, статьи, а позже и кандидатская диссертация помогли мне глубже понять философию Канта и философию в целом.

⁶ Кант И. Указ. соч. С. 304.

⁷ Там же. Т. 4. С. 563.